

Пролог

Дивейл мог запросто заговорить или околдовать любое существо, от презренного раба, подносящего угощения к его столу, до надменного царского сановника, не говоря уже о лошадях, коровах или собаках. И только на лосях, кроликах и лягушках его магия почему-то давала осечку.

«Может быть, я вообще теряю дар?» — последние три года превратили черного жреца в скитальца. Эту мысль о даре косвенно подтверждали и участвовавшие с бои в творимых им заклинаниях. Так, вместо простейшей иллюзии насыщения собственного желудка, у Дивейла просыпалось вдруг невиданное доселе чувство голода, которое потихоньку сводило его с ума.

Месяца полтора назад он с тоской проводил взглядом большой клин перелетных птиц, летящих на юг, к теплу и еде.

В лесу стало заметно холоднее. Последние, условно съедобные грибы закончились еще на прошлой неделе, а мелкая дичь, словно чувствуя его приближение, пряталась в глубокие норы.

А тут еще этот лось... Сохатый, словно издеваясь, вторые сутки шел вслед за ним, иногда забегая вперед, а затем снова отставая. «Играть он со мной вздумал!» — напустив на себя винный дурман (этот фокус у него еще изредка получался), жрец побрел по следу зверя, размышляя, как бы ни упустить эту гору мяса.

Утром выпал первый снег, он искрился и необычно хрустел под босыми ногами черного жреца. Для Дивейла, родившегося где-то на далеком юге, такая картина была не совсем обычна. Пожевав снежку, жрец отметил, что его взгляд стал свежее и теперь цеплялся за любую, даже самую незначительную деталь на местности.

И вскоре он был вознагражден. «Берлога!» — Дивейл остановился перед ней как вкопанный. План в его голове созрел молниеносно, да и не пуганное животное шло позади него совершенно не таясь. Оставалось только разбудить медведя, подставить под удар лося, усыпить косолапого, забрать мясо. И все!

У черного жреца поднялось настроение. Вытолкнув из своего сознания остатки псевдовинного дурмана, он сосредоточился на главном...

*

«Вот оно, мясо!» — Дивейл, облизнувшись, приподнял за край тяжелую еловую ветку. Старый и раненый медведь, прислонившись к стволу толстого дуба, прижимал к груди огромную лосиную ляжку. Остатки убитого им животного лежали в снегу, позади него. «А эти, откуда тут взялись?» — пробормотал жрец. На поляне шла самая настоящая разборка. Семеро волков, окружив шатуна, явно качали ему свои права.

И тогда жрец настроился на язык животных...

— Это наша добыча! — заявил вожак волчьей стаи,

чувствуя за собой шестерых голодных товарищей.

— Лось гулял возле моей берлоги и его надо поделить,
— пыгался аргументировать медведь, понимая, что поединка ему сегодня не избежать. А вожак, зная, что разбуженный шатун запросто порвет на части добрую половину его стаи, решил в последний поступить по справедливости.

— Ты, косолапый, должен спать в это холодное время, а не шастать по лесу, — заметил волк, с надеждой глядя на ляжку, которую медведь прижал к груди еще крепче.

— Не твое волчье дело! Но если угодно, то меня разбудил двуногий! — глаза медведя налились кровью, и он незаметно перекинул добычу под мышку, освобождая для схватки мощные когтистые лапы. Два тощих волчонка, замыкавших боевой полукруг слева и справа от шатуна, инстинктивно поджали хвосты.

«Все, мой выход!» — жрец навел на зверей морок и устремился к мясу.

«Так это ты его разбудил?» — в его голове раздался ясный голос. Дивейл обернулся и с удивлением отметил, что на вожака волчьей стаи его заклинание почему-то не подействовало.

— Теперь все будет по справедливости, а тебе, человек, советую держаться от него подальше! — волк, не сводя настороженных глаз с застывшего с удивленной мордой медведя, в изящном прыжке вырвал у того лосиную ляжку. Совершенно неожиданно очнулась от наведенного им морока и стая. Волки тут же кинулись к лосиной туше и

поволокли ее в глубину леса.

«Гьфу, советчик нашелся! Да, не задался денек...» — сплюнул с досады жрец. А вожак, зажав в пасти огромный кусок мяса, не спеша двигался в сторону непролазной чащи, замыкая победоносное шествие лесных разбойников...

А нынешней ночью пропал посох. На вид это была обычная сучковатая палка, но ее пропажа навела на Дивейла тоску. Каждый день он делал на ней засечки, а перед сном, прислонившись спиной к какому-нибудь удобному и не совсем остывшему за вечер пню, трепетно их поглаживал и пересчитывал, мысленно переносясь в самые первые дни своего исхода. В те далекие времена на нем была еще относительно приличная одежда и почти новые сандалии, и шагал он тогда по более теплым краям.

Жрец оглянулся: на искристом снегу, несмотря на тихую и безветренную ночь, почему-то не было видно ни единого следа, оставленного похитителями посоха. Подняв голову, он убедился, что его путеводная звезда была на своем месте. Серый бесформенный ступок мирно дремал на толстом суку, а вот на противоположном суку... а на другом суку сидел жирный дятел со сломанным клювом. Птица хмылялась, нагло глядя ему прямо в глаза.

«А ем ли я дятлов?» — за годы странствий старик успел многое позабыть из своей прежней жизни. Его уже давно не тревожили яркие видения, в которых обворожительные и полуголые красавицы кружились вокруг него в изящных танцах с глиняными кувшинами в руках, наполненных самыми изысканными винами, а между белых мраморных

колонн мелькали завистливые лица учеников, втайне мечтавших когда-нибудь достичь его славы...

В последние месяцы ему были знакомы лишь чувства голода, холода и усталости.

«Ну, иди ко мне, красавчик!» — Дивейл протянул к птице руку, пробормотав под нос коротенькое заклинание для подавления воли пернатых.

«Опять не сработало!» — вздохнул жрец и, по привычке поискав посох, погрозил вспорхнувшему с ветки дятлу толстым крючковатым пальцем, уже на лету сумевшему нагадить ему на голову.

«Пора!» — Дивейл закинул за спину мешок, в котором лежал завернутый в грязную тряпку кирпич, и двинул вслед за своей путеводной звездой, которая покинув сук, уже маячила у него прямо над головой. «Звезда» упорно тащила его строго на север, где он должен был схоронить до лучших времен этот рукотворный камень.

Еще вчера жрец задумал было обойти дремучую чащу, чуть не утонув в непролазном, холодном и вонючем болоте. Но сегодня ему повезло — первые заморозки сковали болотную жижу, — а чтобы жрец не околел, путеводная звезда заботливо прибавила ходу.

Шустрее засеменял по снегу босыми ногами и Дивейл...

Часть 1. Залетный масон

Глава 1. Наследство

– Сержук! Тебе письмо, – Лариса вышла из дома, где ее муж на закате дня поливал огород, раскинувшийся на двадцати пяти сотках заботливо ухоженной земли.

Сержук с любовью окинул взором переливающиеся золотом в лучах заходящего солнца ростки королевского топинамбура, которым он засеял значительную часть своего огорода, и нехотя перекрыл воду. Волшебный шланг, купленный его супругой по рекламной акции, сразу же скрутился в удобную бухточку возле его ног.

Этого письма он мог и не брать в руки вовсе: Сержук догадывался, о чем в нем пойдет речь.

«Наверное, очередное предписание привести в порядок унаследованный от прадеда участок в Узденском районе», – он не раз и не два получал подобные послания и поэтому ничего нового не ожидал. И он почти угадал: в этом письме содержались уже прямые угрозы в виде обещаний наложить конкретный штраф или же снести руины, выставив за работу приличный счет.

«Может мне его стоит продать? Два дома я все равно не потяну», – молодой хозяин еще раз оглянулся на чудотопинамбур, и отнес шланг в сарай.

– Что будем делать, Сержук? – Лариса незаметно подошла к мужу и заглянула ему через плечо.

– Даже не знаю, – он не питал к этому наследству

привязанности. Дом был для него абсолютно чужим, он в нем не рос и никогда не приезжал погостить к бабушке на каникулы. Мало того, он раньше о нем почти ничего не слышал, равно как и о его обитателях. Последним владельцем этого дома был родной брат его прадеда, то есть довольно далекий по нынешним меркам родственник. Тем не менее, завещание было, и оно указывало именно на него – Сергея Станиславовича Рёдко.

Фамилия у Сержука была весьма редкая. И как ее только не пытались изменить работники паспортных столов на протяжении последнего века. Его деда при Советах записали как Редкий, а отца, и вовсе, как Редков. Поначалу с паспортистками безуспешно боролся его отец, но только он – Сержук поставил в этом противостоянии окончательную точку.

Проведя не один день в архивах, он показал грамотеям оригинальное написание своей фамилии. Хотя в последнее время он решил добавить себе через черточку и фамилию жены.

«Рёдко-Панямунская – это звучит красиво», соглашалась с ним Лариса, мечтая о троих детях.

– Ты бы съездил в Узду, посмотрел бы на этот дом. Может быть мы его разберем и перевезем сюда? – Лариса еще разок пробежала глазами по казенному тексту полученного послания.

– Зачем? – испугался Сержук.

– Построим гостевой домик или сарайчик, – Лариса, несмотря на свои двадцать четыре года, была умной и

практичной девушкой.

«Ударила бы в него молния, что ли...» — тяжело вздохнул Сержук. Но, уже засыпая, твердо решил в самые ближайшие дни все-таки посетить родовое гнездо...

Во сне он увидел его.

Дом проявлялся в лучах восходящего солнца, а неясные контуры, смазанные ключьями белого тумана, делали его похожим на летучий корабль, парившим над водой.

Но главное: Сержук понял, что у дома совсем иные пропорции, не совпадающие с паспортными данными и с теми размерами, которые зафиксировались у него в памяти при его первом посещении этих мест около тридцати лет назад.

«Похоже на полотно Наполеона Орды», — еще раз окинув взглядом парящий дом, Сержук вспомнил стиль известного в прошлом художника.

«Утром проснись, и сразу же поеду в Узду», — ночная явь растревожила его душу, и остаток ночи ему снилась извилистая грунтовая черно-белая дорога.

*

— Вы заблудились или что-нибудь потеряли? — рядом с ним стояла девочка, держащая на коротком поводке козу, а кругом простирался заросший высокой травой пустырь, где, по его мнению, и должен был стоять тот самый дом. Дома не было. Густой бурьян надежно скрывал отдельные фрагменты старого фундамента из красного кирпича.

Радовали глаз только неплохо сохранившиеся крыльцо с четырьмя ступенями и примерно одна пятая часть каменной колонны, некогда поддерживающей его крышу.

«И потерял, и заблудился», — про себя процедил Сержук, с удивлением разглядывая щуплую старушку, пыгливо смотрящую на него маленькими и хитрыми глазками, которую он поначалу принял за девочку.

— Хозяин, что ли явился? — догадалась старушка, отгоняя от него любопытное животное.

— Явился, но я вижу, что опоздал, — Сержук вспомнил, что кроме дома тут должны были быть еще какие-то строения.

— Под липами стоял гостевой домик, а в левом ряду располагались амбар с конюшней, — старушка махнула веревкой в сторону старого дуба.

— И где же это все? Неужели развалилось? — Сержук не очень-то верил, что за двадцать восемь лет природа сама стряхнула с себя довольно крепкие постройки. Именно столько лет назад его, пятилетнего ребенка, и привозил сюда отец.

— Почему развалилось? Соседи разобрали на материалы. Хозяина же никто не видел! — по ее интонации он понял, что соседи поступили мудро, а главное, правильно и рачительно.

«Не пропадать же добру», — усмехнулся Сержук, не удивляясь ее логике.

— У меня был чемодан, но я его давно подарила племяннице, — старушка виновато опустила глаза.

– Какой еще чемодан? – Сержук рассеянным взглядом осматривал пустырь.

– Из этого дома, вот какой чемодан! Старинный, из доброй толстой кожи с тиснением. Только потертый малость, – старушка видимо решила очистить душу, признавшись в хищении чужого добра.

– Надеюсь, он принес Вам удачу! – Сержук махнул рукой, собираясь покидать разоренное временем и добрыми соседями родовое имение.

Побродив еще минут пятнадцать среди травы, доходившей ему местами по пояс, он решил возвращаться домой и, сев в машину, вставил ключ в замок зажигания.

– Это было в чемодане. Возможно, что вам и пригодится, – внезапно возникшая перед ним старушка с козой протянула в окошко старинный фотоальбом в затертом замшевом переплете и перетянутую веревкой небольшую кипу бумаг.

– Спасибо, бабушка! – Сержук небрежно бросил на соседнее сиденье эти два предмета, не осознавая в тот момент, как сильно они изменят его жизнь уже в самом ближайшем будущем.

*

– И это все твое наследство? – рассмеялась Лариса, разглядывая старинные фотографии, на которых были запечатлены важные дяди и благородные тети с серьезными лицами, смотрящие в объектив фотокамеры.

— Они понимали всю важность момента, — Сержук никого из запечатленных на фото людей не знал. Фамильные черты если и были, то угадывались с большим трудом, замаскированные пышными усами, невероятными женскими прическами и не менее удивительными головными уборами.

— А вот это я почитаю, — он разрезал полуистлевший шнурок и взял в руки пачку пожелтевшей бумаги вручную сшитую в некое подобие книги.

«Рукопись», — это он понял сразу, начав бегло просматривать материалы. Читать было чрезвычайно трудно, несмотря на отменную каллиграфию. Текст был преимущественно на старобелорусском языке с многочисленными вставками, написанными по-польски.

— Неужели так разговаривали в доме твоих предков? — удивилась Лариса, перевернув парочку пожелтевших страничек.

— Наверное... — не совсем уверенно ответил Сержук уже всецело поглощенный путешествием в рассказ, посвященный последней трети девятнадцатого века, подаренный ему прадедом по имени Станислав Рёдко из того самого дома, который он так и не успел заполучить в наследство.

Глава 2. Фольварок

«Почему отец так настойчиво стремится выдать Марийку за соседа?» — Станислав с интересом поглядывал

на свою сестру, услаждавшую благородную публику игрой на рояле.

Сегодня можно было насчитать всего семь персон.

Во-первых, соседи: пан Владислав Шульжик с супругой Евой и их взрослый сын Антон, деревенский увалень почти двухметрового роста.

Во-вторых, хозяйева фольварка: отец Август Рёдко и его мать Эльжбета.

Шестым слушателем был он, Станислав Рёдко, — студент второго курса Петербургского университета. Седьмой была сама Марийка, нажимающая тонкими пальчиками на белоснежные клавиши новенького венского рояля. Станислав сидел чуть поодаль от гостей у распахнутого настежь окна, где чудные звуки музыки особым образом переплетались с запахом сирени. И сегодняшним вечером он наслаждался этой благодатью.

Дорогущий музыкальный инструмент два года назад отец привез из Варшавы, отказав себе тогда в новой бричке, а своему хозяйству в косилке, прессе и много в чем другом. Но у сестры был талант, и это было главным аргументом при выборе статьи расходов.

Станислав любил такие тихие семейные вечера, хотя сегодня его настораживали слишком часто повторяемые отцом намеки на достоинства своей дочери. Пан Владислав во всем поддакивал отцу, а щеки его сына Антона по-детски пылали пунцовыми оттенками.

А ведь в прошлом году отец мягко отказал в сватовстве его университетскому приятелю Феликсу Авербаху,

гостившему в их имении на летних каникулах. «Наша Марийка еще очень молода», — дипломатично заявил тогда старый Август.

Но Станислав знал истинные мотивы отказа Феликсу. Тот был русским бароном с немецкими корнями, но главное, он не был добрым католиком. Принципиальность отца в этом щекотливом вопросе сыграла свою роль, но теперь она осложняла жизнь уже и самому Станиславу, с недавних пор влюбленному в Агафью, крещенную по православному канону, младшую дочь Арнольда Ивановича Блюмберга, фотографа из Петербурга.

А вот их соседи были свои хлопцы, католики. Хотя раньше и отец, и пан Владислав с семьями ходили в униатскую церковь. Но все униатские храмы были закрыты царем после очередного восстания на Его Величество, а «вернуться» в православие, как было рекомендовано новой администрацией, пан Август не считал для себя возможным. Так старый литвинский шляхтич стал ревностным католиком и уже более тридцати лет молился на польский лад.

«Пожалуй, пройдусь», — решил немного прогуляться перед ужином Станислав, когда Марийка закончила играть модный в те дни полонез и захлопнула крышку рояля.

Сделав несколько шагов по аллее, ведущей к въездным воротам, он свернул в сторону гостевого домика и, легко перемахнув через низкую в этом месте ограду, вышел в поле. На самом его краю начинался обрыв, нависающий над Неманом.

Станислав с детства любил приходить на берег со своим альбомом и делать бесконечные зарисовки милых его сердцу мест. А когда начинало темнеть, он переворачивался на спину, чтоб созерцать вечернее небо. Ему казалось, что так он был ближе к звездам, которые дарили ему свой волшебный свет. Нарисовать панораму звездного неба было его давнишней мечтой, которую он так и не осуществил.

Вот и сегодня, подстелив себе под голову свернутый сюртук, он устремил свой взор к небесам. Было еще слишком рано, чтобы в полной мере насладиться величественной картиной, но первые точки уже начинали проявляться. На Земле-матушке полным-полно мест, где можно созерцать величие мироздания, но Станислав считал, что именно здесь находится некая точка отсчета не подвластная ни царям, ни королям, ни князьям, ни тем, кто был до них...

«Интересно, а кто же был до них?» — с этими мыслями Станислав перевернулся на живот и посмотрел в сторону дома, стоявшего на некотором отдалении от не широкого в этих местах Немана. На какой-то миг вместо бескрайнего поля, ему почудилась совсем иная картина. По заснеженной долине, утопая по пояс в снегу, в сторону Узды обреченно брел уставший странник. Станислав тряхнул головой, но наваждение не исчезло. Пришлось несколько раз открыть и закрыть глаза, чтобы видение растаяло, уступив место знакомому пейзажу.

— Стась! Возвращайся домой, приехали гости из самого Петербурга! — по зеленому полю бежала Марийка, хорошо

знавшая, где в это время можно было отыскать брата.

*

У их ворот стояла еще не распряженная запыленная коляска с кожаным верхом, защищавшим пассажиров в любую непогоду. Такие коляски, покрытые не одним слоем лака и снабженные фонарями, давно разъезжали по Минску. Точно такую коляску наметил к осени купить себе и отец, пользуясь пока обычной подрессоренной бричкой без верха.

Старый дядька Язеп, служивший у них на конюшне, отвязывал багаж, часть которого он уже успел перенести на крыльцо гостевого дома. А из окна гостиной раздавались оживленные голоса и не все они были ему знакомы. Беседа велась на русском. Причем один из приезжих говорил на нем чисто, а вот в речи другого собеседника улавливался отчетливый акцент. Станислав, несколько лет поживший в столице империи, научился улавливать такие тонкости.

«Немец», — догадался Станислав, вспомнив, что именно так в первый год обучения разговаривал его друг Феликс, прибывший в Петербург из Риги.

Отец, переходя на русский, старался говорить медленно, тщательно выговаривая каждую фразу, а вот пан Владислав русского языка толком не знал, что не мешало ему периодически вставлять реплики на родном языке и громко хохотать.

— Разрешите вам рекомендовать господу, мой сын Станислав Рёдко — студент из Санкт-Петербурга, — старый

Август представил появившегося в гостиной Станислава.

— Граф Алексей Петрович Рахметов и господин Густав Рипански — мои гости, они только что прибыли из Минска, — отец по очереди представил ему и своих новых знакомых.

И на графе Алексее Рахметове, и на его спутнике были новенькие, с иголочки, мундиры железнодорожников, которые едва успели утвердить в железнодорожном ведомстве. Даже в столице империи такие мундиры были еще в диковинку, но Станислав уже видел похожую форму на служащих Варшавского вокзала в Санкт-Петербурге, чаще прочих сталкивающихся с императорской семьей.

Младший Рёдко быстро догадался, что отец пригласил этих людей неспроста. Слух о строительстве железной дороги через Минск волновал многих, особенно тех, у кого были сбережения. В последнее время старый Август зачастил в город, вороша старые связи и заводя новые. Местную шляхту особенно занимал вопрос: будет «железка» монополией или к ней допустят частный капитал. В этом случае их интересовала цена вопроса.

Станислав быстро влился в новую компанию. И граф, и его спутник оказались интересными собеседниками, много повидавшими на своем веку.

Господин Густав Рипански действительно оказался пруссаком на русской службе и в Минск прибыл по приглашению графа, который в этом городе жил уже целый месяц, приехав по делам из Петербурга.

Со слов графа Алексея Рахметова, ему и господину Рипански было доверено произвести рекогносцировочные

работы. Всех коммерческих тонкостей дела они не знали, но по мере выпитого домашнего вина, склонялись к мысли, что все-таки будет акционерное общество...

— А скажи мне, Густав, за сколько часов по железке можно будет добраться до Минска? — спросил инженера пан Август.

— Если не будет дополнительных станций, то часа за полтора. И это если ехать на старом паровозе, но сейчас заложена новая серия и новый паровоз будет лететь, как стрела. Так что часа с четвертью, я думаю, будет вполне достаточно, — важно заявил господин Рипански.

— Божья мать! — воскликнул пан Владислав Шульжик, редко покидающий свои угодья, но уж если и выбирался из своего родового гнезда, то тратил на дорогу до Минска и обратно почти целый световой день.

— А до Варшавы? — вспыхнули глаза Марийки, которая в своей жизни бывала только в Минске и несколько раз, благодаря отцу, в бывшей столице — Вильно.

— За ночь! — сильно захмелевший Густав, стал забавно двигать руками, имитируя работу кривошипно-шатунного механизма паровоза.

«Вот брехун!» — засмеялась Марийка.

— Он вас не обманывает, милая пани! Все так и будет. А до Санкт-Петербурга паровоз домчит за тридцать шесть часов, — подал голос, молчавший граф Алексей Рахметов.

— Вы сказали, тридцать шесть часов? — пан Август не хотел оскорблять своих гостей недоверием, но столица огромной империи, недавно проглотившей их отчизну,

была для него столь далекой, что путь до Луны, заливавшей своим светом большую часть сада, казался ему намного короче.

«Еще один брехун!» — сидя у распахнутого окна на подоконнике, Станислав расслышал ворчание старого Язеп, страдающего бессонницей и стребающего в этот поздний час скошенную утром траву. Дядька Язеп после первого восстания был взят казаками в плен и его вместе с земляками этапировали в Гатчину, откуда ему лежал прямой путь на каторгу в Сибирь.

Но Язеп был рожден под счастливой звездой: его умение врачевать и спасло ему жизнь. Сняв однажды приступ подагры у жены командира лейб-гвардейского полка, его зачислили в этот самый полк нештатным лекарем. Пока был жив генерал Григорий Анисимович Расторгуев, Язеп жил, как у Христа за пазухой, практикуя не только в Гатчине, но и ее окрестностях. А после смерти своего покровителя, по протекции влиятельных друзей генерала, ему удалось вернуться домой. Так что эту дорогу старик знал не понаслышке...

— Разрешите откланяться! — попрощался полностью удовлетворенный вечером пан Владислав, поддерживаемый супругой и сыном Антоном, уже стоя на пороге.

— Прошу всех завтра на обед, — проворковала пани Ева, от которой Станислав за целый вечер не слышал ни единого слова. Его мать сегодня больше помалкивала, изредка вытирая платочком глаза, глядя на повзрослевшую дочь.

— Милости просим! У нас есть на что посмотреть, — открыл рот и Антон, подмигнув Марийке.

— А ты, Ангось, оказывается, и говорить умеешь! И что мы у вас будем смотреть? — решила слегка поддеть его Марийка, хорошо представлявшая имение соседей и их относительно небольшой домик, куда они переехали после прошлогоднего пожара в старом особняке.

— Винцука помнишь? — Антон понизил голос и склонился над изящным Марийкиным ушком.

— Его давно нигде не видно. Ни в костеле, ни на фэстах, — Марийка хорошо знала по именам всех соседей, пусть даже таких далеких, каким был Винцент Янушкевич.

— Ну, в костел пана Янушкевича и раньше калачом не заманить было, — усмехнулся Станислав, вспомнив товарища их старшего брата Константина. Брат уже лет пять как пропал на просторах далекой северной Америки.

— А теперь и подавно! Винцук в прошлом году продал землю и дом, — торопливо выдал Антон, посматривая на крыльцо, возле которого в уже поданную дядькой Язепом бричку, усаживался его отец.

— Кто же тот счастливчик, который купил этот торфяник? — искренне удивился пан Август, хорошо зная те земли и почему-то упустивший такую важную новость.

— Там сейчас нет хозяйства, а все это тайно купил какой-то масон, — с серьезным видом заявил Антон. А Станислав заметил, как сразу насторожились граф Алексей Рахметов и его спутник.

— Так на что же ты предлагаешь нам смотреть? —

широко распахнула свои синие глазки Марийка.

— Этот масон построил в имении поющую беседку! — высоченный Антон по-детски прижал палец к своим губам.

От этих слов, произнесенных шепотом, у господина Рипански вдруг заискрились глаза, но они мгновенно потухли, едва на него глянул граф Алексей.

— Поющую беседку?! — ахнула Марийка, а Станислав вновь увидел в ней ту милую девочку, которую он запомнил, покидая два с половиной года тому назад отчий дом.

— Договорились, Антось! Завтра обязательно приедем, — с серьезным видом пообещала Марийка, провожая жениха до брички, где его уже ожидали родители.

— Пан Станислав, вы курите? — Станислав не заметил, как возле него оказался граф.

— Курю, Алексей Петрович! — Станислав назвал его по имени и отчеству.

— Угощайтесь! — граф открыл украшенную филигранной резьбой коробочку, в которой рядами лежали набитые табаком разноцветные курительные трубки.

— Впервые вижу такие... — Станислав, прежде чем затануться, с интересом перебрал несколько необычных трубок.

— О! Какой дивный аромат! — рядом появился пруссак Густав Рипански, русский инженер, железнодорожник.

Уже после второй затяжки Станислав почувствовал неладное. Граф Рахметов и господин Рипански медленно отходили на второй план, а между ними появилась почтовая

карета. Из нее выскочил шустрый субъект и стал раскладывать у его ног посылки, бандероли, пачки писем. Затем, попросив у Густава нож и разрезав одну из пачек, он выгнул из нее большой белый конверт. Граф Рахметов заботливо протянул ему гусиное перо, а Густав раскрыл амбарную книгу. Станислав почему-то не глядя расписался, и только после этого почтовая карета исчезла...

— Пан Станислав, вам плохо? — участливо склонил над ним голову господин Рипански.

Опираясь на дверной косяк, молодой шляхтич так продолжал стоять с протянутой рукой, держа в ней воображаемый конверт.

— Прошу меня извинить. Что-то мне сегодня вечером нездоровится, я покину вас, господа, — Станислав, чувствуя неловкость, побрел в сторону своей комнаты.

Глава 3. Первый сон Станислава

«Действительно, странный табачок...» — Станислав, несмотря на усталость, долго вертелся в постели, не смыкая век. Сон давно дежурил в подсознании, но вот глаза..., глаза упорно не хотели закрываться.

Затемненный угол его спальни озарился сиреневым светом и оттуда послышались мужские голоса. Пытаясь уйти от наваждения, Станислав накрыл голову подушкой, но вскоре у его изголовья появился золотой гусь. Он отобрал у Станислава подушку, пересыпал пух в пустой пакет и с достоинством прошествовал сквозь стену, которая после его ухода замерцала, а затем и вовсе исчезла.

На месте их сада почему-то плескалось море, а на его берегу сидели и обладатели голосов...

— Дело сделано! — Редас с удовольствием вытянулся на сухом и теплом песке, заложив под голову мускулистые натруженные руки. Па девственно чистому небу не спеша и величаво плыли девственно чистые облака, мир снова просыпался...

— Думаешь, у нас на этот раз все прошло гладко? — рядом с ним присел его друг Арви и его взор устремился на берег моря. Все: от песчинки под их ногами и до самой последней капли морской воды на горизонте, дышало свежестью. Каждый атом этой экосистемы был очищен, промыт и просушен.

Так было всегда. За относительно короткие промежутки времени они делали воистину титаническую работу, за что

сами себя в шутку и прозвали титанами.

«Остроумно!» — прокомментировал про себя Станислав, понимая, что это всего лишь сон.

— Мы сделали все, что могли, — Редас посмотрел в сторону песчаных дюн, где появилась большая группа людей, взявших курс на опушку леса. Люди равнодушно брели вдоль побережья, еле волоча уставшие ноги.

«Благородные...» — усмехнулся титан, разглядев на их лохмотьях фрагменты некогда богатой одежды, расшитой серебряными нитями.

— Хотелось бы верить, что на этот раз их мозги хорошо прочищены, — настороженно сказал Арви, заметив отставшего от группы юношу, тревожно поглядывавшего в его сторону.

Оба титана инстинктивно прикрыли руками глаза, на миг забыв, что для простого человека они были невидимыми, если... если только этот щенок не был отпрыском зачищенной ими касты жрецов.

— Не стоит волноваться, Арви. Хороший паренек. Девственно чистое сознание, полностью обновленные инстинкты, — Редас уже успел просканировать юношу.

«Дозированные инстинкты, абсолютно чистое сознание, огромный творческий потенциал и куча времени впереди... Все, как в прошлый раз», — зевнул Арви, вспоминая иные времена, когда ему, молодому титану казалось, что такие благородные и просветленные лица не сможет испортить даже время, окрасив их светлые души в дурные тона.

Как впоследствии оказалось — сможет. Да еще как!

– Ты, наверное, вспоминаешь нашу прошлую работу?
– догадался Редас, глядя на хмурое лицо товарища.

– Есть вопросы... – кивнул головой в знак согласия Арви.

– В прошлый раз вмешался Его Величество Случай, – пошевелился дремавший во время беседы Кливинир.

– Любишь ты все сваливать на случай, Кливинир, – Арви давно отметил, что далеко не все из их группы одинаково реагируют на выполнение поставленной задачи. А Кливинира он считал самым бесшабашным и в свое время удивлялся, что первыми погибали почему-то самые опытные и рассудительные: Феонис, Ирон, Цаснир, Патрон...

«Патрон!» – уход этого титана поставил всех в тупик. Тогда даже Редас не смог сказать ничего вразумительного и в памяти Арви шевельнулись далекие воспоминания.

*

Эти воспоминания странным образом зацепили и Станислава, перенесенного в иное время...

«Такого еще на моем веку не было!» – по оплавленной поляне, на плоской верхушке небольшого холма расхаживал взад-вперед седовласый Хавора, старейшина земных титанов.

Любой из титанов с раннего детства знал, как уходят из жизни представители из рода. Они поднимаются в горы и в полном одиночестве сторают, не оставляя после себя ничего.

Причем количество выделенной при горении энергии, строго равно заложенной при рождении. И это Закон!

После замеров пепелища, Хавора сделал вывод, что часть энергии титана бесследно исчезла. Пропал целый блок. И, судя по большому количеству недостающей энергии, это был именно информационный блок.

«Кому нужны наши знания, кроме нас самих?» — смеялся еще совсем юный в ту пору Арви. Но сегодня, глядя на вновь зачищенный мир и уходящие в лесную чащу остатки рода людского, ему было уже не до смеха.

«Прозевали!» — он помнил, как много времени он провел в чертоге, листая книгу титанов, изучая реконструкцию, сделанную мудрым Хаворой. И только в ультрафиолетовом свете он обнаружил рядом с исчезающим титаном по имени Патрон загадочную и вибрирующую тень. Коллега Редас откликнулся на его просьбу и даже помог идентифицировать ее. Тень принадлежала черному жрецу по имени Лейсон. Это открытие повергло их в шок, а сам старейшина поднял тогда их обоих на смех.

«Абсурд! Откуда в горах мог взяться черный жрец?» — рассмеялся им в лицо мудрый Хавора.

Это понимал Редас, это понимал и юный Арви, тем более, что все людские жрецы были у них под полным контролем, а этот Лейсон и вовсе считался полоумным. «Полоумный, а соображает...» — отметил про себя Станислав, чуть не проснувшись, когда эта тень проскочила мимо него...